

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-8-202-208

ЧУЧМАН И.М.,
ПАО «ПИК-Специализированный Застройщик»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: horsny@yandex.ru

О ВЛИЯНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ПРАВОПОНИМАНИЯ НА РОССИЙСКУЮ ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье затронут вопрос о влиянии теоретических концепций социологической юриспруденции на правоприменительную деятельность. Предпринята попытка установления корреляции между концептуальными подходами социологии права и правоприменением. Установлены общие тенденции влияния общественных отношений на решения, принимаемые правоприменителями. Проведен анализ решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в части наличия в них теоретических концепций социологической школы права. Отражены теоретические подходы к понятию «юридическая практика» и выявлены позитивные и негативные тенденции влияния указанного явления на правоприменительную деятельность. Описан общий подход правообразования, в основе которого находятся складывающиеся общественные отношения.

Ключевые слова: право, правоприменение, социологическая юриспруденция, юридическая практика, общественные отношения.

CHUCHMAN I.M.,
PAO "PIK-Specialized Developer",
Moscow, Russian Federation

ON THE INFLUENCE OF THE SOCIOLOGICAL TYPE OF LEGAL UNDERSTANDING ON RUSSIAN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Annotation. The article addresses the issue of the influence of theoretical concepts of sociological jurisprudence on law enforcement activities. An attempt is made to establish a correlation between the conceptual approaches of legal sociology and law enforcement. General trends of the influence of social relations on the decisions made by law enforcement officers are identified. The article analyzes the decisions of general jurisdiction courts and arbitration courts in terms of the presence of theoretical concepts of the sociological school of law. The article reflects theoretical approaches to the concept of "legal practice" and identifies positive and negative trends in the impact of this phenomenon on law enforcement. The general approach to legal education based on emerging social relations is described.

Key words: law, law enforcement, sociological jurisprudence, legal practice, and social relations.

Введение.

Правопонимание, имея фундаментальную теоретическую значимость, позволяет теоретикам и практикам юриспруденции ответить на вопрос о том, чем является право, как наиболее значимый регулятор общественных отношений. Выбор концептуального подхода к пониманию права во многом предопределяет профессиональную деятельность юриста и его взгляды на сущность влияния права на упорядочение и организацию общественных отношений.

Одной из форм юридической профессиональной деятельности является деятельность

правоприменительная, в которой юридические познания применяются должностными лицами, уполномоченными государством на властно обусловленную реализацию правовых норм.

В теоретико-правовой науке обосновано отмечается дуалистичность подхода к понятию правоприменения. Указанное явление рассматривается в качестве:

1) властно организующей деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, целью которой является содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей;

2) деятельности уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, направленной на разрешение конкретного дела, жизненного случая или правовой ситуации [1].

Думается, что указанные подходы нельзя рассматривать в качестве взаимоисключающих (понятий-антагонистов), так как характеризуя одно правовое явление, они, по сути, описывают его формальную и содержательную части (стороны).

Для целей настоящей статьи выбран концептуальный подход к правоприменению, изложенный А.В. Авериним, согласно которому под правоприменением понимается «ответственная право-реализационная деятельность государства, которая осуществляется в особых, строго установленных процессуально-правовыми нормами формах и в определенной последовательности управомоченными на то правом государственными органами и должностными лицами, в результате которой конкретные общественные отношения императивно регулируются посредством издания обязательного к исполнению правоприменительного акта, в котором официально-властно провозглашается статус или факт, влияющий на статус конкретного субъекта права» [1].

Традиционно в структуре правоприменения выделяют этапы (стадии) правоприменительной деятельности: установление фактической основы дела; выбор и анализ юридической нормы; вынесение и документальное оформление правоприменительного решения. Целями правоприменения являются установление (выяснение) фактов прошлого, определение правовой характеристики установленных отношений, а также вынесение на основании установленных фактов законного и обоснованного решения (правоприменительного акта). Указанные стадии условно соответствуют этапам познавательной деятельности. Иными словами, сущностью правоприменения является познание (юридическое познание), под которым можно понимать процесс интеллектуального и деятельностного получения, хранения, переработки, систематизации, трансляции и использования юридически значимой информации индивидуальным или коллективным субъектом, ориентированный на получение достоверных знаний о ситуации с целью ее разрешения в соответствии с действующими нормами права [2].

Правоприменение осуществляется конкретными должностными лицами – людьми, наделенными соответствующими властными полномочиями. Человеческая познавательная деятельность характеризуется определенной степенью субъективизма, т.е. ценностными установками, знаниями и жизненным опытом, приобретенными правоприменителем в процессе его жизнедеятельности.

Таким образом, безусловным является постулат, в соответствии с которым субъективные установки конкретного лица, осуществляющего правоприменение, а также его понимание сущности права, оказывают существенное влияние на правоприменительную деятельность. Правоприменение, являясь одной из форм реализации права, предполагает официальное отражение в правоприменительном акте правовой нормы, являющейся основой для регулирования конкретного общественного (правового) отношения. В зависимости от понимания сущности права, правоприменитель по-разному будет воспринимать истинный смысл нормы права, в качестве основания для разрешения конкретного дела. Иными словами, понимание права, в аспекте правоприменения, будет предопределять итоги правоприменительной деятельности.

Таким образом, понимание права конкретным правоприменителем оказывает существенное влияние на правоприменительную деятельность.

Исследование.

По мнению последователей социологического подхода, право «находится в обществе, производится обществом и немыслимо в аспекте чистого долженствования, в отрыве от фактов социальной жизни» [3]. Не отрицая факта существования права позитивного (объективного), сторонники социологической юриспруденции отмечают, что нормы права, сами по себе, не образуют правовую материю, так как в отрыве от чаяний членов социума они бессмысленны.

Социологи права большую роль в регулировании общественных отношений отводили не законным императивам, а деятельности органов правосудия. Это послужило основанием для дифференциации права на «живое» (то есть, применяемое в объективной действительности) и «мертвое» (писанное в законодательных актах). Таким образом, закон для них – являлся лишь проектом права, в то время, как само право создается «профессиональной деятельностью правоприменителей» [4]. Именно суд в своих решениях отделяет «правомерное» от «неправомерного», «правовое» от «неправового», создавая в ходе осуществления правосудия право, «основанное на складывающихся в обществе представлениях о должном и справедливом» [5].

По мнению Р.А. Ромашова иерархия форм права в рамках социологической юриспруденции предполагает доминирование объективных закономерностей общественного развития по отношению к праву позитивному [6].

Особое значение в развитии социологических воззрений на право имеют взгляды Роджера

Коттеррелла (профессора теории права Лондонского университета королевы Марии, члена Британской академии), указывающего на то обстоятельство, что право должно соответствовать социальной реальности. Правовые идеи, заложенные в тексте закона, не могут быть рассмотрены отдельно от контекста, в противном случае – они лишаются какого-либо смысла [7].

По мнению Р. Коттеррелла, порядок и справедливость, являющиеся истинной целью права, в отрыве от реалий общественной жизни и общественных потребностей, являются всего лишь абстрактными понятиями («пустыми формами»). Указанные понятия наполняются смыслом и содержанием исключительно посредством анализа чаяний субъектов права в широком понимании данного термина [7].

Социологическая юриспруденция рассматривается как средство, которое важно и нужно использовать, чтобы правовая норма начала работать. Роль же правоприменителя, при этом, состоит в системной эмпирической деятельности в определенном социально-историческом контексте, который формирует и анализирует содержание, условия устремлений и ожиданий граждан в отношении правового порядка и справедливости [8].

Правовая норма в социологии права является закономерным итогом развития правовых отношений; она резюмирует практику и опыт правовой коммуникации субъектов права. Само право – это не простая совокупность норм, а совокупность обстоятельств, предопределяющих права, обязанности и интересы субъектов права, их поведение, воплощающиеся в правоотношениях [9].

Государство, в лице законодателя, не может предусмотреть все разнообразие общественных отношений, требующих регулирования как в момент принятия нормы права, так и в период ее действия. Приближение права к реалиям общественной жизни необходимо, ибо право, не отвечающее запросам общества, не будет им (обществом) реализовываться (соблюдаться, исполняться, использоваться). Общество, в указанной ситуации, для упорядочения общественных отношений, будет вынуждено заменить правовые нормы на нормы иных социальных регуляторов. Сам по себе процесс правогенеза неразрывно связан с формированием общественного сознания, которое в конечном итоге определяют значимость регулирования того или иного социального отношения.

В обобщенном виде в социологической юриспруденции можно выделить следующие концептуальные позиции:

1) право не может существовать в отрыве от общественных отношений, которые предопределяют его содержание и реализацию;

2) истинным правом является то право, которое реализуется правоприменителями, т.е. значение имеет лишь та норма, которая реально применяется для регулирования общественных отношений (не применяемые («мертвые») нормы бессмысленны);

3) праву позитивному (объективному) противопоставляется «живое» право, основанное на объективных закономерностях общественного развития;

4) закрепленные в позитивном праве понятия «справедливости» и «порядка» наполняются реальным содержанием лишь посредством учета фактических общественных потребностей;

5) основная задача правоприменителя – претворить в жизнь нормы права исходя из ожиданий граждан в отношении действующего правового порядка и справедливости;

6) право является методом достижения социальных целей.

Изложенные концепции в определенной степени находят свое отражение в правоприменительных актах.

Формализм норм права, изложенных в официальных источниках, зачастую не позволяет нормативным предписаниям учитывать все особенности общественных отношений, которые они призваны регулировать. Правоприменитель, в указанной ситуации, встает перед дилеммой, когда предписания закона, в конкретном контексте, не учитывают реальные общественные потребности и регулируют общественные отношения без учета принципа справедливости.

Так, Верховным Судом Российской Федерации¹ (в порядке «выборочной» кассации) рассматривался административный иск матери ребенка дошкольного возраста к администрации муниципального образования о признании бездействия, выраженного в не предоставлении места в детском саду, незаконным. Согласно обстоятельствам дела, местная администрация не смогла зачислить ребенка в дошкольное образовательное учреждение по месту жительства вследствие отсутствия свободных мест и предложила детский сад, находящийся за несколько десятков километров от адреса регистрации места жительства. Нижестоящие суды требования административного истца оставили без удовлетворения, сославшись на формальное соблюдение органом местного самоуправления требований действующего законодательства.

Действительно, в соответствии с частью 4 статьи 67 Федерального закона от 29.12.2012

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 года по делу №33-КГ18-13// http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1742170.

№273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию может быть отказано по причине отсутствия в ней свободных мест.

При этом, рассматривая дело, Верховный Суд встал перед проблемой формальной ограниченности нормы права, при которой особенности регулируемых ей общественных отношений, в контексте конкретной правовой ситуации, не учитывались гипотезой и диспозицией правовой нормы.

Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 года по делу №33-КГ18-13 акты нижестоящих судов были отменены, а требования матери — удовлетворены. Судом указано, что удаленное расположение детского сада не согласуется с принципом доступности дошкольного образования, а орган местного самоуправления должен был предвидеть соответствующую потребность в местах в дошкольных образовательных учреждениях, своевременно принимать меры к увеличению числа либо вместимости существующих образовательных учреждений и их финансированию для создания всех необходимых санитарных и иных условий по осуществлению ими образовательной деятельности.

Думается, что при вынесении правоприменителем указанного акта, стремление к достижению социальной справедливости предопределило необходимость расширительного толкования правовой нормы с учетом реальных общественных потребностей.

В рассматриваемой ситуации в общественном сознании закрепилось правило доступности дошкольного образования и обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления обеспечить практическую реализацию данного правила. При этом, нормы позитивного права не позволяли надлежащим образом обеспечить общественные потребности с учетом особенностей развивающихся общественных отношений.

Правоприменитель, в описываемом случае, не имея нормы права, прямо регулирующей соответствующие общественные отношения, руководствовался общими принципами права (аналогия права), а также сущностью общественных потребностей, сформировавшихся на определенном этапе развития социума.

Зачастую, динамичное развитие общественных отношений указывает на несовершенство

законодательных конструкций и возможности субъектов права, при формальном соблюдении правовых предписаний, недобросовестно реализовывать их субъективные права.

В частности, положениями налогового законодательства предусмотрена возможность освобождения от обязанности по уплате налога на добавленную стоимость для лиц, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами при условии приобретения работ (услуг) по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме указанными налогоплательщиками у организаций и индивидуальных предпринимателей, непосредственно выполняющих (оказывающих) данные работы (услуги) (пункт 30 части 3 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации²).

Реализация диспозиции указанной нормы, таким образом, возможна только в случаях, когда управляющая организация осуществляет деятельность по содержанию общего имущества *не* собственными силами, а посредством привлечения подрядных (и иных специализированных) организаций. Данное обстоятельство повлекло за собой появление такого явления, как «дробление бизнеса», при котором налогоплательщики, с целью освобождения от обязанности по уплате налога на добавленную стоимость создают взаимозависимые юридические лица, выполняющие работы (услуги) по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме.

Рассматривая спор по данному предмету между налоговым органом и управляющей организацией Арбитражный суд Уральского округа отметил³ недопустимость создания в рассматриваемом случае взаимозависимыми лицами схемы организации выполнения работ по содержанию, ремонту и обслуживанию жилого фонда, в которой третьи лица введены в хозяйственный оборот с целью получения дохода за счет налоговой выгоды.

Указанный спор демонстрирует относительную ограниченность позитивного права при отсутствии учета истинного волеизъявления субъектов правовых отношений. Иными словами, буквальное толкование нормы права становится бессмысленным в отрыве от сущностных характеристик регулируемых общественных отношений и

² «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», N 31, 03.08.1998, ст. 3824.

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2020 года по делу №А34-12158/2018// https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3f6ec098-bd94-476c-bc64-615ad0ef097b/993a360f-c329-4ef5-90e2-51e1169f66d7/A34-12158-2018_20200916_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.

направленности воли субъектов права. Правоприменитель, в подобных ситуациях, вынужден разрешать правовой спор путем противопоставления внешне законного оформления общественных отношений и неправомерных намерений субъектов указанных правоотношений. При этом, разрешению спора способствовал системный анализ поведения субъектов соответствующих правовых отношений и установление их истинной цели (уход от налогообложения посредством использования формализма норм права).

Правила поведения, вырабатываемые в социальных группах (коллективах), также могут оказывать влияние на правоприменительную деятельность, дополняя положения позитивного права при разрешении конкретных жизненных ситуаций.

Примером может послужить гражданское дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации по трудовому спору между организацией и работником¹.

Организация уволила сотрудника за прогул вследствие того, что последний в свой день рождения покинул свое рабочее место на 4 часа раньше.

Работник увольнение оспорил, сославшись на принятое на предприятии неофициальное правило раньше отпускать работников в их день рождения.

Суд первой инстанции требования работника удовлетворил, сославшись на фактическое соблюдение последним норм, принятых в организации. Суд апелляционной инстанции с таким подходом не согласился, указав на формальное нарушение работником правил внутреннего трудового распорядка, отменив решение суда первой инстанции и требования работника оставив без удовлетворения.

Верховный Суд, рассматривая спор, указал, что суд апелляционной инстанции формально подошёл к рассмотрению дела, связанного с нарушением трудовых прав работника, что недопустимо при разрешении спора данной категории. При рассмотрении дела необходимо было установить действительно ли в организации принято правило отпускать сотрудников раньше окончания рабочего времени в дни рождения.

В рамках рассматриваемого дела Верховным Судом Российской Федерации указано на необходимость учета правил, выработанных в конкретном социальном образовании, при решении правоприменителем конкретных дел. Исходя из положений Трудового кодекса Российской Федерации отсутствие на рабочем месте более 4

часов подряд является однократным грубым нарушением трудовой дисциплины (подпункт «а» пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации). Вместе с тем в рассматриваемом деле противоправность совершенного дисциплинарного проступка была нивелирована. Думается, что подобный подход правоприменителя является скорее исключением, нежели правилом. Однако, важно, что для достижения социальной справедливости правоприменитель указал на необходимость фактического анализа правил, выработанных в социальной группе, при разрешении конкретного спора.

Важным проявлением социологии права в российском правоприменении является такое понятие, как «юридическая практика».

В частности, А.В. Поляков называет указанное явление в качестве вторичного источника права, обосновывая это тем, что в процессе повседневной реализации субъектами права и правоприменителями их прав и обязанностей фактически осуществляется корректировка смысла правовой нормы, которая становится обязательной для субъектов правоприменительной деятельности [10].

На важность формирования устойчивой юридической практики неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации. Так в постановлении от 15 июля 1999 года № 11-П², отмечается, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона.

Юридическая практика отражается в актах правоприменения. Для ее формирования необходимая совокупность правовых норм в течение определенного периода времени применяется идентичным способом для регулирования сходной группы общественных отношений. Устойчивая единообразная позиция правоприменителей (в

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2020 года №16-КГ20-5 // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1901602

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 N 11-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"// СПС «КонсультантПлюс».

частности – судов) является условным образцом для субъектов права, а также иных субъектов правоприменительной деятельности.

Юридическая практика является условным «образцом» в случаях, когда законом для правоприменителя предоставлена возможность усмотрения.

Так, арбитражные суды Московского округа придерживаются мнения о невозможности снижения неустойки по заявлению управляющей организации в рамках споров о взыскании с нее задолженности за поставленные коммунальные ресурсы¹. Суды исходят из принятой презумпции недобросовестности поведения лица, осуществляющего деятельность по управлению многоквартирными домами и аккумулирующего денежные средства жителей за коммунальные услуги без их фактической оплаты поставщикам коммунальных ресурсов. Подобный подход последовательно отражается в правоприменительных актах.

При этом, юридическая практика имеет и существенные негативные проявления. Одним из них является так называемая условная «предвзятость» правоприменителя, при которой он лишен возможности справедливо рассмотреть и оценить фактические обстоятельства дела вследствие наличия выработанных правил рассмотрения подобной категории споров.

При указанном явлении суды фактически (но не юридически) лишаются возможности принимать решение по собственному усмотрению вследствие обоснованных опасений отмены принятого судебного акта судами вышестоящей инстанции вследствие его несоответствия выработанным критериям юридической практики.

Закключение.

Таким образом, социологическая юриспруденция понимает право в качестве социального явления. Оно (право) имеет относительную независимость от государства и находит свои истоки в складывающихся социальных отношениях. Резюмируя приведенные теоретические положения и

анализ судебной практики, можно прийти к выводу о том, что идеи социологической юриспруденции находят свое отражение в деятельности российских правоприменителей.

Влияние социологии права на правоприменение можно обобщенно выразить в следующих тенденциях:

1) социологические концепции правопонимания позволяют «корректировать» формализм содержания правовых норм посредством учета общественных потребностей при рассмотрении конкретных споров;

2) выявление истинного волеизъявления (направленности воли) участников общественных отношений способствует правильному рассмотрению и разрешению дела правоприменителем;

3) учет и применение правил поведения, сложившихся в определенной группе, для разрешения конкретных споров, является необходимым при установленной неурегулированности правовых отношений нормами позитивного права;

4) общественные отношения развиваются динамично, что ведет к «запаздыванию» принятия законодателем правовых норм, способных адекватно регулировать вновь появившиеся общественные отношения.

Важнейшим проявлением социологических концепций в правоприменительной деятельности является доктринальное и практическое признание юридической практики в качестве условного «вторичного источника права». Единообразие в правоприменении способствует стабильности правоприменительной деятельности, а также обеспечивает оправданность ожиданий субъектов права. При этом, использование эталонов юридической практики не должно влечь за собой «предвзятости» правоприменителей, при которой установленный процессуальным законодательством принцип справедливости ставится в зависимость от тенденций развития правоприменительной деятельности.

Список литературы:

- [1] Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т.2 / А.В. Аверин, И.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]. Москва: Проспект, 2011. С. 339-340.
- [2] Боруленков, Ю. П. Теория юридического познания как фундаментальная наука / Ю. П. Боруленков // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 10-15.
- [3] Антонов М.В. Социология права Ойгена Эрлиха / М.В. Антонов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 6. С. 128–137.
- [4] Палеха Р.Р. Социологическая юриспруденция: генезис идей // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-yurisprudentsiya-genezis-idey/viewer>.

¹ См. напр. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28.03.2022 по делу №А40-211265/2021 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dba84034-bcd6-48f3-ba1e-403eb4f9276c/a1ef6685-8435-45be-b52b-8984c-220a8ee/A40-211265-2021_20220328_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; Решение Арбитражного суда города Москвы от 03.06.2022 по делу №А40-43045/2022 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/27d5ce35-bea6-4fdd-8d16-76d2d9ec6093/e67f5ba9-d47e-4d12-92fe-636779c936e1/A40-43045-2022_20220603_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; решение Арбитражного суда города Москвы от 23.11.2021 по делу №А40-133468/2021 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/80d15abd-bbdc-4e97-aba1-3187f9b5a4cc/7d1dcf4c-c49a-4c89-b2b5-78e1a3005d34/A40-133468-2021_20211123_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

[5] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 48.

[6] Ромашов Р.А. Ромашов Р.А. Совместимы ли позитивистский и социологический типы правового понимания / Р.А. Ромашов // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 14–15.

[7] R. Cotterrell Sociological jurisprudence: Juristic thought and social inquiry. – New York; London: Routledge, 2018. С. 41.

[8] Алферова Е.В. Коттеррелл Р. Социологическая юриспруденция: правовая мысль и общественный запрос // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. С. 36–39.

[9] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та. 2005. С. 48.

[10] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 296 – 297.

Spisok literature:

[1] Filosofiya prava. Kurs lekcij: uchebnoe posobie: v 2 t. T.2 / A.V. Averin, I.A. Gobozev, A.G. Guznov [i dr.]. Moskva: Prospekt, 2011. S. 339–340.

[2] Borulenkova, YU. P. Teoriya yuridicheskogo poznaniya kak fundamental'naya nauka / YU. P. Borulenkova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 11. S. 10–15.

[3] Antonov M.V. Sociologiya prava Ojgena Erliha / M.V. Antonov // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2008. № 6. S. 128–137.

[4] Palekha R.R. Sociologicheskaya yurisprudenciya: genezis idej // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-yurisprudenciya-genezis-idej/viewer>.

[5] Polyakov A.V., Timoshina E.V. Obshchaya teoriya prava: Uchebnik. – SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. S. 48.

[6] Romashov R.A. Romashov R.A. Sovmestimy li pozitivistskij i sociologicheskij tipy pravoponimaniya / R.A. Romashov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2003. – № 6. – S. 14–15.

[7] R. Cotterrell Sociological jurisprudence: Juristic thought and social inquiry. – New York; London: Routledge, 2018. С. 41.

[8] Alferova E.V. Kottterrell R. Sociologicheskaya yurisprudenciya: pravovaya mysl' i obshchestvennyj zapros // Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal. S. 36–39.

[9] Polyakov A.V., Timoshina E.V. Obshchaya teoriya prava: Uchebnik. SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta. 2005. S. 48.

[10] Polyakov A.V., Timoshina E.V. Uказ. соч. С. 296 – 297.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru